

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ. **№ 17.** Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1898 года, апрѣля 26-го.

Содержаніе: Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру.— Опытъ руководства для православныхъ пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ (продолженіе).—Общество и религиозное чувство.—Толстовское лжеученіе о Богѣ.—Замѣтки.

Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру.

Черезъ всю исторію западно-русской Церкви, съ того времени, когда южно-русскія области начинаютъ входить въ составъ Польскаго государства, проходитъ долгая и упорная борьба за православную вѣру. Польское правительство, въ своемъ стремленіи окатоличить православныхъ, употребляло всѣ мѣры, не стѣсняясь даже самыми жестокими. „При томъ государственномъ устройствѣ, которое составляло отличительную черту Рѣчи Посполитой,—говоритъ почтенный изслѣдователь судебъ западно-русской Церкви,—при неограниченномъ полномочіи дворянскаго сословія, при отсутствіи исполнительной власти и полицейскихъ учреждений и при томъ

низкомъ уровнѣ просвѣщенія, на которомъ стояла тогда масса дворянскаго сословія, религіозное рвеніе могло выразиться только въ одной изъ тѣхъ формъ фанатическаго самодурства и безобразнаго насилія, среди котораго медленно разлагалось шляхетское общество въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій Рѣчи Посполитой.... Въ каждой данной мѣстности судьба православнаго священника и его прихожанъ зависѣла отъ расположенія духа каприза или корыстолюбія владѣльца села или мѣстечка; но, умиловивъ послѣдняго, православные далеко еще не были безопасны: дворянинъ-сосѣдъ, партія проходившихъ жолнеровъ, настоятель ближайшаго католическаго костела, иногда просто проѣзжій шляхтичъ вдругъ нечаянно водушевлялись фанатическимъ рвеніемъ и, въ видѣ нечаянной грозы, обрушивались на несчастный приходъ; факты же, которыми выражалось это рвеніе, не удовлетворяли требованіямъ самой элементарной нравственности¹⁾. Въ цѣляхъ искорененія православія пускалось въ ходъ все— „гвалты (насилія), разбои, грабительства, мученія и самыя убійства“²⁾. Православные претерпѣвали отъ католиковъ и униатовъ „жесточайшія бѣды“³⁾. Настали неслыханно-тяжелыя времена, когда гонители не позволяли православнымъ родившихся-крестить, умершихъ-погребать⁴⁾, когда „людямъ всѣмъ смертный часъ мечтался, и всѣ лишенія имущества и живота ожидали“⁵⁾.

Жестокія религіозныя преслѣдованія особенно тяжело должны были отзываться на православномъ духовенствѣ. Послѣ Брестской уніи 1596 года правительство рѣшило утверждать новыхъ преемниковъ умершихъ епископовъ только въ такомъ случаѣ, если они признають унію. Слѣдствіемъ этой мѣры

1) Монографіи по исторіи „западной и юго-западной Россіи“ Антоновича, 1, 300.

2) „Архивъ Юго-зап. Россіи“, ч. 1, т. 3, стр. 87.

3) Тамъ-же, т. 2, стр. 120.

4) Тамъ-же, стр. 329.

5) Тамъ-же, стр. 216.

было совершенное прекращеніе православной высшей іерархіи, возстановленной лишь въ 1620 г. по вліянію гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго. Возстановленіе правъ православныхъ при Хмельницкомъ удерживало свою силу весьма недолго. Въ 1664 г. митроп. Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ схваченъ и заточенъ въ крѣпость; православному духовенству было запрещено выѣзжать за границу, и тѣмъ затруднена была возможность замѣщенія свободныхъ епископскихъ каедръ. Когда умиралъ какой-либо православный владыка, правительство подчиняло его паству уніатскому епископу той же епархіи. Наконецъ, оно стѣснило самый выборъ православныхъ епископовъ, и всякія собранія съ этою цѣлью православныхъ были строго запрещены. Еще рѣже король подтверждалъ выборы—и то въ такомъ только случаѣ, когда утверждаемый давалъ обязательство принять унію, какъ сдѣлали это Иннокентій Винницкій, Кипріанъ Жоховскій, Іосифъ Шумлянскій, Аванасій Шумлянскій и Діонисій Жабокрицкій. Послѣ удаленія изъ края Жабокрицкаго въ 1709 г. и до присоединенія въ 1796 г. южно-русскаго края къ Россіи ни въ одной епархіи не состоялось выбора православнаго епископа.

Всѣ эти обстоятельства особенно тяжелымъ гнетомъ должны были ложиться на низшее сельское духовенство. Древній мѣстный обычай, по которому міряне каждаго прихода сами выбирали себѣ священника, былъ ограниченъ еще сеймовымъ постановленіемъ 1647 г., требовавшимъ согласія шляхтича или старосты и вообще владѣльца имѣнія на занятіе священникомъ мѣста. Согласіе выражалось въ подтвердительной грамотѣ, называвшейся *прозентой*, и приобреталось покупкой или какими-либо уступками въ пользу помѣщика; если выборъ падалъ на едва грамотнаго крестьянина, то шляхтичъ удерживалъ надъ нимъ *доминіальное право*, гналъ его на барщину и проч. Оскорбленія и обиды сыпались градомъ на сельское духовенство. Православный священникъ „былъ ежеминутно въ опасности подвергнуться са-

мымъ безчеловѣчнымъ оскорбленіямъ и обидамъ,—говорить проф. Антоновичъ: встрѣчался ли шляхтичъ съ священникомъ на рынкѣ въ городѣ, онъ, подѣ первымъ попавшимся предлогомъ или даже вовсе безъ предлога, заводилъ ссору и наносилъ ему публично побои; увидѣлъ ли помѣщикъ, что священникъ занимается бесѣдою съ крестьянами, онъ бросался на него, опрокидывалъ на землю, билъ каблуками и палкою, рвалъ у него волосы; наткнулся ли панъ на жену священника, скупавшую провизію на базарѣ, онъ чувствовалъ обязанность отпустить ей, безъ всякаго повода, нѣсколько ударовъ погайкою; иной разъ шляхтичъ, напившись, бѣгалъ по городу съ обнаженною саблею и для потѣхи пробовалъ силу удара на попавшемся священникѣ. Если обиженные пытались остановить обидчика указаніемъ на свое духовное званіе, то шляхтичъ отвѣчалъ нахально, что только католическіе ксендзы—дворяне, и имъ онъ обязанъ оказывать почтеніе, поны же—мужики, и потому имъ нечего ссылаться на свой духовный санъ. Въ домѣ у себя священникъ былъ такъ же мало безопасенъ, какъ и внѣ его; подѣ пустымъ предлогомъ, чаще безъ всякаго предлога, помѣщикъ или помѣщица врываются въ его домъ, били и истязали какъ самого священника, такъ и членовъ его семейства, расточали оскорбленія и бранныя слова, нерѣдко заключали хозяевъ въ свою дворовую тюрьму и держали въ ней по произволу, или дозволяли, для большаго, по ихъ мнѣнію, посрамленія, совершать всѣ эти безчинства надъ священникомъ еврею-откупщику“ 1). Въ селѣ Врублевцахъ, напр., недалеко отъ Каменца, помѣщикъ Кобельскій всѣми средствами старался выжить изъ села священника. Однажды, напившись, Кобельскій вызвалъ его на улицу и, сидя верхомъ, схватилъ его за платіе и потащилъ за село; здѣсь онъ рвалъ несчастному священнику бороду, пытался отрубить ее саблею, нанесъ нѣсколько ранъ и ударовъ какъ самому священнику, такъ и его женѣ, прибѣжав-

1) „Монографіи“, 1, 304.

шей молитъ о пощаdѣ, и отпустилъ только тогда, когда священникъ обѣщаль ему 10 талеровъ выкупа. Этимъ дѣло не кончилось. Кобельскій нѣсколько разъ возобновлялъ свое нападеніе и заставилъ священника сначала скрываться у прихожанъ, а потомъ—и совсѣмъ бѣжать изъ села 1). Одинъ помѣщикъ на Волыни—Гардецкій призваль къ себѣ пономаря и, послѣ цѣлаго ряда издѣвательствъ, приказаль принести конскіе шоры, самъ надѣлъ ихъ на шею пономаря тою частью упряжи, которая называется „подогоніе“, велѣлъ отвести его въ такомъ видѣ на конюшню, поставилъ въ стойло и потребоваль отправлять здѣсь православную службу 2). Преслѣдованія и униженія священниковъ не ограничивались временемъ ихъ жизни; находились изувѣры, которые не оставили въ покоѣ даже бранныхъ останковъ несчастныхъ пастырей послѣ ихъ смерти. Такъ, въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка умеръ на Волыни одинъ священникъ, церковь котораго еще при его жизни была отнята уніатами. Когда прихожане обнаружили желаніе предать тѣло умершаго погребенію близъ церкви, въ которой онъ служилъ, уніаты не только не дозволили сдѣлать этого и возбрали предать умершаго священника погребенію близъ церковной ограды, но не допустили произвестъ и обычный заупокойный звонъ, такъ что семейство покойника принуждено было увезти его тѣло за сорокъ верстъ, „безъ всякаго христіанскаго порядка“, и тамъ искать ему могилы 3).

Не смотря на несчастныя условія, въ какія поставлены были въ Польшѣ православная вѣра и ея представители, западно-русское православное духовенство не утратило неравной борьбы, облеклось во всеоружіе брани для защиты православія предъ иновѣрною церковью, обществомъ и правительствомъ и добивалось возстановленія поправленныхъ правъ

1) „Архивъ Ю.-З. Р.“, ч. 1, т. 4, стр. 259.

2) „Кіевская Старина“, 1892, т. 38, стр. 361—382.

3) „Исторія Минской архіепископіи“ свящ. Рункевича, стр. 20.

народнаго духа съ неослабѣвющею ревностію и съ тѣмъ высокимъ религіознымъ одушевленіемъ, которое ставитъ его на ряду съ величайшими исповѣдниками и мучениками первыхъ вѣковъ христіанства. И въ то время, когда дворяне, эти могучіе когда-то столпы южно-русскаго православія и народности, одинъ за другимъ промѣнивали благородство духа на почетные титулы и житейскія выгоды, непоколебимымъ оставалось одно духовенство, хотя въ его именно ряды главнымъ образомъ и направлены были стрѣлы польско-католической вражды и преслѣдованія. Польша и католицизмъ не могли не видѣть, что до тѣхъ поръ, пока у народа будутъ его духовные вожди, всѣ средства для его совращенія будутъ безплодны. „Талантливыя личности всегда имѣютъ большое значеніе въ жизни и исторіи; но въ данномъ случаѣ достаточно было одного самаго обыкновеннаго православнаго священника, часто совсѣмъ неученаго и всегда очень бѣднаго, но простого, глубоко вѣрующаго, въ простотѣ отправляющаго богослуженіе и совершающаго требы,—достаточно было его одного, чтобы поддерживать бодрость духа цѣлой округи“ 1).

„Черезчуръ занеслись поляки,—сказалъ русскій посолъ въ Варшавѣ Штабельбергъ,—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ эту спесь“ 2).

Жизнеописаніе каждаго изъ западно-русскихъ священниковъ, этихъ достойныхъ вѣчной памяти и глубокаго уваженія борцовъ за православіе, рисуется намъ картину жизни, полной глубокой вѣры, неустанной ревности и непрерывныхъ страданій. „Уроженецъ я,—пишетъ одинъ изъ этихъ борцовъ за православную вѣру,—изъ Польши, фамиліи шляхетской, отъ роду мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, грамотѣ русской и латинской обучался въ польскихъ семинаріяхъ и Кіевской академіи, во священника рукоположенъ 1766 года въ мѣстечко къ Польшѣ пограничное Звиногородку, гдѣ 1768 года отъ конфеде-

1) Тамъ-же, стр. 8.

2) „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“—Костомарова, стр. 195

ратовъ и татаръ приведенъ былъ въ столь чувствительное разореніе и страхъ, что едва могъ спастися бѣгствомъ въ Переяславль къ покойному преосвященному Гервасію, который, всйдя въ тогдашнее мое состояніе, снабдилъ въ Малой Россіи приходомъ, а преосвященный покойный Іовъ, узнавъ о претерпѣнномъ мною страданіи, въ награду того, 1772 года во второй день февраля произвелъ протопопомъ польской Украины въ мѣстечко Вѣйницу и Немеровъ, гдѣ находясь, отъ униатовъ, яко ненавистниковъ Православной Церкви, за непоколебимую къ вѣрѣ привязанность, гораздо вѣщшее перваго претерпѣлъ угнетеніе, поруганіе и, наконецъ, будучи лишень всего имѣнія, паки просилъ его преосвященство объ увольненіи отъ помянутаго мѣста, который, не уволивши, но, по выбору всѣхъ тогда бывшихъ въ Польшѣ православныхъ церквей протопоповъ, повелѣлъ мнѣ, купно съ краснянскимъ (что нынѣ Херсонской) протопопомъ Богдановичемъ, слѣдовать въ Варшаву ради испрошенія отъ двора польскаго справедливаго удовольствія и церквамъ православнымъ защищенія, то же и о возвратѣ церквей въ польской Украинѣ, униатами отнятыхъ, куда я двукратно и ѣздилъ...; за вторичнымъ моимъ изъ Варшавы возвратомъ, нашелъ я домъ мой до основанія разореннымъ и, не имѣя для прожитія мѣста, прибылъ въ Переяславль, просилъ о томъ преосвященнаго Иларіона, епископа Переяславскаго, что нынѣ Новгородсѣверскій, который..., ради пріисканія мѣста, снабдилъ меня билетомъ: я, не сыскавши въ той епархіи мѣста и проживши долгое время по разнымъ мѣстамъ, напоследокъ просилъ высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго объ опредѣленіи въ полевые полки, дабы тѣмъ заслужить себѣ при старости лѣтъ спокойное мѣсто; вслѣдствіе чего, 1781 года былъ въ походахъ въ Польшѣ, Малой Россіи, Херсонѣ, а нынѣ въ Таврической области..., чрезъ понесенные мною труды и многопретерпѣнныя въ продолженіе лѣта изнуренія, умножающаяся со дня на день въ силахъ слабость, къ тому-жъ

приближающаяся старость—не позволяют уже мнѣ болѣе быть при полевой службѣ, а паче въ разсужденіи всегдашняго съ мѣста на мѣсто перехода ¹⁾)...“.

(Окончаніе будетъ).

Опытъ руководства для православныхъ пастырей въ борьбѣ съ южно-русскимъ сектантствомъ ²⁾).

5. Инославные храмы.—Нерѣдко приходится слышать отъ сектантовъ, служащихъ рабочими на нѣмецкихъ заводахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, такого рода сужденія, обращенныя къ православнымъ сотоварищамъ: „зачѣмъ вамъ ходить за 20 верстъ въ православный храмъ, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ нѣмецкая церковь? Она ничѣмъ не хуже православной и построена съ разрѣшенія того же начальства, которое разрѣшаетъ и постройки православныхъ храмовъ“. Подобныя же мысли внушаютъ православнымъ рабочимъ и ихъ хозяева-нѣмцы. Въ виду этого, православнымъ пастырямъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на православныхъ, находящихся въ услуженіи у нѣмцевъ, и располагать этихъ рабочихъ къ посѣщенію храмовъ православныхъ.

6. Продажа свѣчей и кошельковый сборъ въ храмахъ во время богослуженія.—„У васъ,—упрекаютъ сектанты православныхъ,—во время богослуженія ходятъ по церкви *мытари* (кошельковый сборъ), и *торжники* продаютъ свѣчи и мѣняютъ деньги“. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ церковныхъ старостъ иногда начинаютъ свой обходъ со сборомъ какъ разъ въ самую важную часть литургіи, а во время продажи свѣчей нерѣдко поднимаютъ шумъ. Конечно, все это сло-

¹⁾ „Исторія Минской архіепископіи“, 49—50.

²⁾ См. № 16-й за 1898 годъ.

жено вѣками и вошло въ такой исконный обычай, что до появленія сектантовъ почти никто не обращалъ на него вниманія; но все же оно не могло не развлекать молящихся въ храмѣ. Въ виду этого послѣдняго и въ виду нареканій сектантовъ, чтобы не подавать брату случая къ соблазну (Римл. 14, 13), приходскимъ священникамъ хорошо было бы позаботиться о томъ, чтобы продажа восковыхъ свѣчей происходила тихо, спокойно и въ церковныхъ сторожкахъ или въ церковныхъ лавкахъ, гдѣ есть такія, а кошельковый сборъ производился въ указанное ими время или даже у входа въ храмъ, гдѣ извѣстныя лица присутствовали бы поочередно съ церковными кружками.

7. Угощенія, устраиваемыя крестьянами послѣ совершенія нѣкоторыхъ церковныхъ таинствъ и священнодѣйствій церковныхъ.—Чаще всего сектанты упрекаютъ православныхъ въ устройствѣ ими послѣ совершенія нѣкоторыхъ таинствъ и священнодѣйствій церковныхъ угощеній и на основаніи ихъ позволяютъ себѣ насмѣшки и глумленія надъ самими таинствами и обрядами Православной Церкви. И дѣйствительно, обычай устраивать угощенія послѣ вѣнчанія браковъ, совершенія похоронъ, крещеній дѣтей, поминовеній умершихъ слишкомъ укореился въ нашемъ простомъ народѣ. Эти неизбѣжныя угощенія часто доходятъ и до пьянства. Самое безобразное пьянство въ деревняхъ обыкновенно происходитъ на крестьянскихъ свадьбахъ. Извѣстно, что по селамъ свадебныя угощенія начинаются съ самаго утра, и такъ какъ вѣнчаніе браковъ бываетъ иногда подъ вечеръ, то въ это время иные изъ принимающихъ участіе въ свадебномъ торжествѣ бываютъ уже на-веселѣ, и потому не удивительно, что при самомъ совершеніи вѣнчанія трудно бываетъ иногда соблюсти приличный священнодѣйствию порядокъ и торжественность, а самое совершеніе бракосочетанія въ глазахъ народа теряетъ свое священное значеніе. Поэтому устройство угощенія крестьянами послѣ совершенія нѣкоторыхъ таинствъ и священнодѣйствій должно привлечь пастырское вниманіе

приходскаго священника; пастырѣ не сразу, такъ какъ обычай тотъ слишкомъ глубоко укоренился въ народѣ, по крайней мѣрѣ, исподоволь можетъ направлять своихъ прихожанъ къ благоустройству братскихъ угощеній.

8. Хожденія священниковъ съ молитвою и съ святою водою по домамъ своихъ прихожанъ.—Существуетъ искони установившійся между сельскимъ духовенствомъ по всей Россіи обычай собирать хлѣбъ и другіе жизненные припасы по домамъ прихожанъ, при обходѣ съ крестомъ и молитвою предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи и съ крестомъ и святою водою въ самые праздники Рождества Христова, Крещенія Господня и Пасхи. При этомъ только немногіе, болѣе зажиточные, крестьяне даютъ священнику зерновой хлѣбъ, ленъ и другіе сырые продукты своего хозяйства; всѣ же остальные надѣляютъ пастыря печенымъ хлѣбомъ въ разныхъ его видахъ. Вслѣдъ за священникомъ обыкновенно везутъ цѣлый возъ такого хлѣба, и такъ какъ нѣтъ никакой возможности семейству пастыря самому потребить весь собранный печеный хлѣбъ, то его обыкновенно сушатъ, а иногда продаютъ. Извѣстно, что простой народъ всякій печеный хлѣбъ называетъ вообще „святымъ хлѣбомъ“. Хлѣбъ же, собираемый священниками съ крестомъ и молитвою, а также за поминовленіе усопшихъ, тѣмъ болѣе почитается святымъ, что онъ освящается молитвами и тѣмъ религіознымъ чувствомъ, съ какимъ его подаютъ. Могутъ ли послѣ этого крестьяне, особенно бѣдняки, равнодушно смотрѣть на то, что поданный ими священнику, часто послѣдній „святой хлѣбъ“ продается на базарѣ?

Даяніе нашимъ пастырямъ хлѣба и другихъ припасовъ особенно осуждается тамъ, гдѣ уваженіе къ духовенству и къ церковнымъ обычаямъ стараются поколебать сектанты. Въ этомъ убѣждаетъ насъ извѣстный своею ревностью въ борьбѣ съ сектантами священникъ одного изъ приходоу Т—аго уѣзда, К—ой епархіи, о. Л—скій. „Настала Филипповка,—пишетъ онъ въ своей статьѣ по вопросу о мѣрахъ

противъ штундизма,—и я отправился по домамъ своего прихода съ молитвою и почти въ каждой хатѣ старался разъяснить православнымъ, что-за волкъ въ овечьей шкурѣ явился въ приходѣ, и просто былъ въ восторгѣ, думая: съ чего же теперь православнымъ увлекаться штундизмомъ, если они уже знаютъ, въ чемъ дѣло? Но я представить себѣ не могъ, что вслѣдъ за мной по хатамъ тутъ же прошелъ фанатикъ-штундистъ съ такою приблизительно рѣчью: „чего вы слушаете *попа*? Знаете ли, съ чего это онъ предъ вами такъ нападаетъ на насъ? Онъ боится, чтобы не потерять *палыныць*, что вы носите ему теперь и перестанете носить, когда станете до нашего братства и познаете Христа“. Послѣ такой выходки штундиста прихожане сразу перемѣнили свои добрыя отношенія ко мнѣ, и когда мнѣ, ничего не подозревавшему, пришлось на праздникъ Крещенія пойти съ святою водою окроплять дома прихожанъ, то мнѣ отказывали уже въ доходѣ, и я нерѣдко слышалъ остроты въ родѣ такой: „хоть бы дурно не тягавъ съ собою санокъ, хоть бы руду глыну розвозывъ по хатамъ, то уже-бъ и не жалко було вынести хлѣбъ за мирочку глыны“ (т. е., хотя бы понапрасному не таскалъ съ собою саней, хотя бы желтую глину развозилъ по избамъ, все-таки не жалъ было бы вынести хлѣбъ за мѣру глины“) 1). Ясно, что здѣсь былъ всему виною несчастный возъ, нагруженный хлѣбомъ и сопровождавшій изъ дома въ домъ почтеннаго пастыря. Лукавому сектанту стоило только указать на эту массу „святого хлѣба“, чтобы уничтожить все дѣйствіе рѣчей священника, вызвать насмѣшки надъ нимъ и отбить всякую охоту у прихожанъ давать ему что-либо.

Принимая во вниманіе все это, нѣкоторые реввители православія полагаютъ, что слѣдуетъ совершенно отмѣнить хожденія священниковъ по приходу съ молитвою и св. водою. Но такая отмѣна можетъ опять-таки принести вредъ

1) Кіев. еп. вѣд. 1883 г., № 6, стр. 122.

православію. Сектанты не преминуть объяснить православнымъ, что священники перестали ходить съ молитвою и св. водою единственно потому, что перестали получать отъ этого доходъ. Да и сами православные могутъ подумать такъ. Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отмѣнять обычая, которымъ пастыри могутъ пользоваться для выполненія своихъ учительскихъ и миссіонерскихъ обязанностей по отношенію къ пасомымъ. Только при этомъ нашимъ священникамъ слѣдуетъ, не отказываясь отъ дохода, получаемого ими въ видѣ хлѣба и другихъ подаваній, часть его обращать на пособія бѣднымъ прихода. Такихъ бѣдныхъ, какъ, напр., вдовъ, сиротъ, дряхлыхъ и немощныхъ стариковъ, больныхъ, калѣкъ и такъ называемыхъ крестьянъ-неудачниковъ, нуждающихся въ кускѣ насущнаго хлѣба, не мало въ каждомъ приходѣ. Сборъ священниками, при обходѣ ими домовъ своихъ прихожанъ съ молитвою и св. водою, разныхъ жизненныхъ припасовъ въ пользу бѣдныхъ прихода сдѣлался бы святымъ подвигомъ христіанской благотворительности и, служа къ возвышенію нравственнаго достоинства сельскаго духовенства, служилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ укрѣпленію въ прихожанахъ православія и къ искорененію въ приходахъ сектантства.

Правда, предлагаемое нами средство можетъ быть чувствительнымъ для священниковъ, служащихъ въ бѣдныхъ приходахъ; но священникъ по отношенію къ матеріальнымъ расчетамъ не долженъ походить на обыкновенныхъ людей. Онъ долженъ въ этомъ случаѣ подражать св. ап. Павлу, который готовъ былъ во вѣкъ не ѣсть мяса, чтобы только не соблазнять брата своего (1 Кор. 8, 13).

(Окончаніе будетъ).

Общество и религиозное чувство ¹⁾.

Религиозное чувство, по истинѣ, есть чувство живое и уничтожимое: оно неотдѣлимо отъ человѣческой природы, которая всегда будетъ оставаться одною и тою-же. Человѣкъ всегда будетъ сознавать себя неудовлетвореннымъ, не смотря на всѣ усовершенствованія въ области техническихъ искусствъ; всегда будетъ чувствовать себя *раздвоеннымъ*, не смотря на всякія доктрины, провозглашающія свободу плоти и страстей; всегда будетъ искать абсолютнаго, идеальнаго *единства*, совершенства. Чувствуя, что живетъ, наслаждаясь полнотою своей животной силы, онъ всегда будетъ думать о томъ, что выше *земнаго бытія*. Религія никогда не можетъ быть искоренена изъ человѣческой души и общественной жизни. Всякое насиліе въ этомъ отношеніи есть только безуміе: самые жестокіе и фанатичные гонители религіи придуть другимъ путемъ къ тому же самому чувству, извращенному въ суетвѣріе. Религиозное чувство присуще человѣческой природѣ, но формы его неисчерпаемы; отъ самыхъ возвышенныхъ и чистыхъ онѣ доходятъ до чудовищныхъ. Охрана же высокаго, чистаго и истиннаго въ этомъ чувствѣ ввѣрена *Церкви*. Церковь, не смотря на пользованіе формами матеріальными и обычаями, подлежащими измѣненію въ теченіе вѣковъ, всегда будетъ оставаться ковчегомъ, охраняющимъ религиозную истину. Въ Церкви всякое религиозное чувство водится плотью и гордостью, впадаетъ въ обожаніе суетнаго, фантастичнаго и чудовищнаго. И одна только существуетъ и будетъ всегда существовать—истинная Церковь, одна только—троичающая до источниковъ божественной истины въ душѣ *человѣка*,—Церковь Христова.

Всякое усовершенствованіе, какъ бы оно далеко ни затронуло, въ состояніи будетъ измѣнять матеріальныя условія

¹⁾ Переводъ статьи: La société et le sentiment religieux, C. Polédonostzeff; изъ Revue des Revues, 1898 an. № 1.

частной и общественной жизни, но оно никогда не сможет измѣнить психическихъ условій человѣческаго существованія. Человѣкъ, хотя и властелинъ природы—черезъ познаніе ея законовъ,—всегда будетъ жалокъ предъ вѣчной проблемой о своей участи, предъ проблемой о *злѣ* въ его бытіи. Онъ всегда будетъ оставаться *раздвоеннымъ* предъ желательнымъ *единствомъ*, всегда—подлежащимъ вѣчнымъ законамъ морали, которые имѣютъ единственный свой источникъ и единственное свое основаніе въ законѣ Божіемъ и религиозной вѣрѣ. Презрѣніе этого закона всегда приводило какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя народы, къ развращенности, упадку, страданію и, наконецъ, гибели. Въ теченіе вѣковъ будутъ гибнуть, какъ и гибли, по неуваженію къ закону Божію, цѣлыя поколѣнія, даже народы, имперіи, давая мѣсто другимъ поколѣніямъ, которыя могутъ подвергнуться той же участи.

Время, въ которое мы живемъ, есть время упадка религиознаго чувства, или лучше—его *порчи*: со всѣхъ сторонъ, отрицая традицію, законъ, установленные принципы морали, ищутъ новыхъ формъ религіи, новыхъ законовъ утилитарной морали, и выдумываютъ для себя новыя божества, фантастическія и чудовищныя: состояніе—подобное состоянію римскаго общества въ эпоху Антониновъ. Однако, всякая глубокомысленная и чистая душа, любящая истину (Іоан. 18, 37), должна будетъ признать ее рано или поздно.

Толстовское лжеученіе о Богѣ.

Мы имѣемъ подъ руками два несомнѣнно—толстовскихъ вѣроизложенія: одно, написанное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ и самоназывающее себя катехизисомъ Іисусова братства по Евангелію (штунды), и другое, написанное въ формѣ

обыкновеннаго трактата. Мы будемъ одно изъ нихъ называть Катехизисомъ, а другое Вѣроизложеніемъ.

Въ основаніе ученія о Богѣ толстовцы полагаютъ слѣдующія мѣста Священнаго Писанія: 1) Богъ есть Духъ: Іоан. 4, 24. 2) Бога никогда никто не видѣлъ: Іоан. 1, 18. 3) Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ: 1 Іоан. 4, 12. 4) Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ? 1 Кор. 3, 16. Изъ этого выводится заключеніе, что „лучшія качества людей и есть тотъ Богъ, который живетъ въ нихъ“, что „Богъ, какъ и истина, не есть самостоятельное существо, лично и самобытно существующее, но какъ бы слитно и нераздѣльно пребываетъ съ родомъ избранныхъ, безъ которыхъ не могъ бы ни открыться, ни прославиться“, что Божество есть „умъ, сердце и воля людей“, что „желающій поклоняться Богу долженъ любить и уважать въ людяхъ эти качества и выше всего на землѣ ставить человѣческое достоинство“ (Вѣроизложеніе). /

На это отвѣчаемъ. Если люди чрезъ вѣру и добродѣтель становятся храмомъ Божиимъ и жилищемъ Духа Святаго (1 Кор. 3, 16; Іоан. 14, 23), то это не значить, что только тогда и начинается бытіе Божіе или бытіе Духа Святаго. Хотя люди и могутъ сдѣлаться обителью Бога, но не они даютъ Ему бытіе; иначе выходила бы нелѣпность, будто жилище производитъ живущаго, обитель обитающаго. Необходимо признать, что Богъ существовалъ ранѣе, чѣмъ человѣкъ уготовалъ себя въ обитель Ему, или содѣлался храмомъ Его. Правда, что люди могутъ быть храмомъ Божиимъ; но Богъ обитаетъ не только въ нихъ. Не напрасно Іисусъ Христосъ постоянно называлъ Бога Отцемъ *Небеснымъ, сущимъ на небесахъ*, не напрасно говорилъ Онъ, что *небо престолъ есть Божій, а земля подножіе есть ногама его* (Матѣ. 5, 16; 34—35; 6, 9 и мн. др.). Отсюда слѣдуетъ, что Богъ обитаетъ и на небесахъ, обитаетъ и во всемъ мірѣ; на небесахъ ангелы выну видятъ лице Его (18, 10); во всемъ мірѣ обитаетъ Онъ для дѣлъ промышленія. Онъ, по ученію

Христову, и солнце свое сияетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя (5, 45); Опъ и птицъ небесныхъ питаетъ, и одѣваетъ лиліи полевыя, яко ни Соломонъ во всей славы своей облечеся (6, 26—29).

Очевидно, что толстовцы не разумѣютъ Бога, проповѣдуемаго Христовымъ Евангеліемъ, и творятъ своего кумира, только ставятъ его не на небеси горъ, не на земли низу, ни въ водахъ подъ землю (Исх. 20, 4), а въ самомъ человѣкѣ. Богъ именуется въ Евангеліи Отцемъ, слѣдовательно, Онъ существуетъ раньше людей, Своихъ чадъ. Онъ именуется Отцемъ, какъ Творецъ людей, *сотворивый искони мужа и жену* (Матѳ. 19, 4); слѣдовательно, бытіе Его предшествовало бытію людей. Въ этомъ пунктѣ лжеученіе Толстого, подобно всякому безбожію, опровергается всѣми доводами здраваго разума, которыми утверждается бытіе Бога, какъ всемогущаго Творца, премудраго Устроителя и Промыслителя міра. Если Богъ существуетъ только въ человѣкѣ, если бытіе и дѣйствіе его ограничено предѣлами бытія человѣческаго, то откуда же міръ, откуда растенія, поражающія насъ красотою и премудростію своего устройства, откуда животныя, которыя, не имѣя разума, премудро дѣйствуютъ для сохраненія своей жизни, руководимыя Чьимъ-то инымъ разумомъ, откуда это солнце, изливающее на всѣ земныя существа тепло и свѣтъ?...

Ты скажешь, что тебѣ до этихъ вопросовъ дѣла нѣтъ, что ты знаешь только то, что въ тебѣ и что нужно для тебя. Но это твое разсужденіе не евангельское, потому что Евангеліе на эти вопросы отвѣчаетъ. Христосъ училъ, что Богъ есть Виновникъ и Руководитель всѣхъ предметовъ міра, что Его волю, какъ волю своего Владыки, исполняютъ не только люди, но и небо и земля (Матѳ. 6, 10); слѣдовательно, ни Его бытіе, ни Его дѣйствіе не ограничиваются человѣкомъ. Иначе сказать, Евангеліе Христа научаетъ, что міръ и человѣкъ составляютъ нѣчто цѣлое, объединяемое происхожденіемъ отъ Единаго Творца; а толстовское ученіе ставитъ че-

ловѣка особнякомъ и требуетъ, чтобы онъ такъ и стоялъ, замкнувшись въ самомъ себѣ, не глядя вокругъ себя и не спрашивая о причинѣ міра, его окружающаго, и думая, что если и есть Богъ, то Онъ нуженъ только для него и только въ немъ одномъ существуетъ.

Толстовцы пользуются во зло такими отвлеченными опредѣленіями Божества, какъ *любовь* (1 Іоан. 4, 16), *истина*, *жизнь* (Іоан. 14, 6); они не хотятъ понять, что все это—свойства, принадлежащія Богу, какъ Лицу, какъ Существу, и разсуждаютъ, что Богъ совсѣмъ не имѣетъ личности и существа, а существуетъ только въ *любящемъ* человѣкѣ, въ послѣдователѣ *истиннаго* ученія и въ существѣ *живущемъ*. Въ изобличеніе этой лжи слѣдуетъ указать 1) на то, что и эти свойства не могутъ вполне вмѣститься и вселиться въ ограниченномъ и поврежденномъ человѣкѣ: такъ, напр., не можетъ вмѣститься въ человѣкѣ истина, потому что людямъ свойственны и ложь, и заблужденіе; 2) на то, что есть свойства, совершенно не вмѣщаемыя человѣкомъ, какъ, напр., всевѣдѣніе, всемогущество, вѣчность, а между тѣмъ они несомнѣнно усвоются Божественному существу какъ Христомъ (Матѹ. 6, 8; Марк. 14, 36; Іоан. 17, 5), такъ и апостолами; 3) на то, что Богъ, по изображенію Евангелія, дѣйствуетъ, какъ свойственно дѣйствовать личности; Онъ сотворилъ людей, Онъ возлюбилъ ихъ, Онъ посылаетъ Сына Своего для спасенія ихъ отъ гибели (Іоан. 3, 16); никто не знаетъ Его такъ, какъ знаетъ Его Сынъ, равно какъ и Сына никто не знаетъ такъ, какъ знаетъ Отецъ (Матѹ. 11, 27). Во время евангельскихъ событій Богъ Отецъ трижды глаголетъ съ неба, свидѣтельствуя о Сынѣ Своемъ (Матѹ. 3, 17; 17, 5; Іоан. 12, 28); приемлетъ отъ Него поклоненіе (Луц. 22, 41) и молитву, сопровождаемую возведеніемъ очей къ небу (Іоан. 17, 1). Все это и многое другое приложимо лишь къ отдѣльному отъ людей личному божественному существу, а не отвлеченному, только въ людяхъ пребывающему качеству или свойству.

Почитая Бога отвлеченнымъ понятіемъ или свойствомъ людей, толстовцы въ томъ же смыслѣ разумѣютъ и слова Евангелія, что Бога никто нигдѣ не видалъ; они думаютъ, что Бога никто не видалъ такъ же, какъ никто не видалъ бѣлизны безъ бѣлаго предмета, доброты безъ добраго чловека, истины безъ существа, познающаго истину. Но Бога никто не видалъ не потому, чтобы Онъ не имѣлъ отдѣльнаго бытія и познавался только въ чемъ либо иномъ, а потому, что Онъ имѣетъ бытіе не только отдѣльное, но и безмѣрно возвышенное надъ нашимъ бытіемъ, что безконечное не можетъ быть видимо, какъ бываютъ видима существа тѣлесныя и ограниченныя. Хотя Бога въ Его существѣ никто не видѣлъ, однако Сынъ Его, воплотившись, повѣдалъ о Немъ (Іоан. 1, 18), открылъ Его (Матѣ. 11, 27), сказалъ имя Его (Іоан. 17, 6), изъяснилъ и Свое единство съ Нимъ по существу (Іоан. 10, 30), и Свое отличіе отъ Него по личному свойству. „Есть Другій, свидѣтельствующій о Мнѣ“, говорилъ Онъ, разумѣя Отца (5, 32; 8, 17—18). Если бы Іисусъ Христосъ имѣлъ въ Себѣ Бога Отца, какъ Свое природное свойство, какъ Свою волю, сердце и разумъ, то могли бы Онъ говорить: *изыдохъ отъ Отца, и придохъ въ міръ, и пакы оставляю міръ, и иду ко Отцу* (16, 28)?

Есть весьма глубокая разница между тѣмъ, какъ мы разумѣемъ невидимость Божію, и какъ разумѣютъ ее толстовцы. Именуя Бога невидимымъ, мы исповѣдуемъ Его при этомъ совершеннѣйшимъ, высочайшимъ, безконечнымъ, всюду и вѣчно сущимъ, а посему и необъятнымъ или недоступнымъ для нашихъ познавательныхъ силъ, для зрѣнія, слуха, осязанія и представленія. Когда же толстовцы говорятъ, что Бога никто нигдѣ не видѣлъ, то разумѣютъ, что Бога нигдѣ (кромя какъ въ нашей мысли) и нѣтъ. Въ лицѣ Толстого говоритъ при этомъ неисправимый матеріалистъ, который убѣжденъ, что, чего нельзя видѣть и осязать, того и нѣтъ, что „только то и дѣйствительно, что для нашего тѣла чувствительно“. Вскрывши трупъ, такіе матеріалисты говорятъ: гдѣ

же душа человѣка? мы ея не видимъ, слѣдовательно, ея и нѣтъ. Отсюда становится понятнымъ, что и все-то богословіе Толстого построено на основаніи грубаго матеріализма и атеизма, при чемъ строитель не хотѣлъ только той безнравственности, къ которой ведетъ матеріализмъ, хотѣлъ удерживать нравственныя, хотя и глубоко извращенныя имъ, истины христіанства, хотѣлъ сохранить Христа, учителя любви и самоотреченія,—и что же сдѣлалъ? сдѣлалъ грубую попытку привлечь Господа къ своему матеріализму и Евангеліе приобщить къ своему безбожію.

Теперь легко понять, въ какомъ смыслѣ Вѣроизложеніе понимаетъ слова Христа, что „Богъ есть духъ“; если Богъ есть не иное что, какъ высшія качества людей, то духомъ называется Онъ въ такомъ ли смыслѣ, въ какомъ извѣстныя качества людей и даже предметовъ называются духомъ. У насъ принято выражаться, что такой-то человѣкъ дѣйствуетъ или говоритъ въ духѣ суровости, милосердія или состраданія. Подъ духомъ разумѣется въ такихъ случаяхъ свойство рѣчей или дѣйствій. Въ подобномъ же смыслѣ и Толстой, отрицая отдѣльное бытіе Божества, употребляетъ слова Христа о томъ, что Богъ есть духъ: онъ хочетъ этими словами открыть себѣ путь къ тому положенію своей лживой философіи, будто Богъ не имѣетъ отдѣльнаго бытія, будто Онъ есть свойство нашихъ дѣйствій или направленіе нашей жизни. Но когда мы именуемъ Бога духомъ, то разумѣемъ иное: противоположаемъ бытіе Божіе всякому тѣлесному бытію, которое, по самой тѣлесности своей, ограничено пространствомъ, находится въ одномъ мѣстѣ и не находится въ другомъ, тогда какъ Богъ не ограниченъ никакимъ пространствомъ; противоположаемъ бытіе Божіе всякому тѣлесному бытію, которое, по самой тѣлесности своей, дѣлится на части, не имѣетъ единства, слагаясь изъ долей, одна внѣ другой находящихся; противоположаемъ, наконецъ, Божественное бытіе всякому *безличному* бытію, потому что все не—духовное, грубо—тѣлесное, будучи сложенымъ и чрезъ это не имѣя единства,

является, въ то же время, по тому самому и безличнымъ. Личное бытіе всего болѣе чуждо великаго рода мертвой матеріи, лишенной духа, какъ, напр., воздуху, водѣ, землѣ; оно свойственно человѣку, въ которомъ есть душа или духъ. Когда въ человѣкѣ матерія или тѣло возымѣютъ чрезмѣрную силу или значеніе, какъ это бываетъ отчасти во время сна, отчасти во время переполненія пищей и пьтвомъ, то и личное бытіе является слабымъ, познаніе отсутствуетъ, воля ослабѣваетъ, самосознаніе или отличеніе себя отъ прочихъ лицъ и существъ затмевается. Въ Богѣ нѣтъ ничего матеріальнаго; Онъ есть духъ; и *потому* Онъ имѣетъ въ высшей степени личное бытіе. Онъ вѣчно бодрствуетъ въ познаніи и дѣйствіи (Дан. 4, 10; Іер. 1, 12).

Ученіе Толстого о Богѣ, какъ безличномъ направленіи или свойствѣ человѣческихъ дѣйствій, опровергается каждою строчкою Евангелія. Здѣсь Богъ представляется, какъ живое Существо, съ Которымъ человѣкъ, подобное Ему по личной жизни существо, вступаетъ во взаимное отношеніе чрезъ молитву и поклоненіе,—предъ Которымъ онъ чувствуетъ себя виновнымъ и отъ Котораго чаётъ помилованія или страшится принять наказаніе. И самъ Толстой остается ли всегда вѣрнымъ своему воззрѣнію на бытіе Божіе, какъ на не самобытное и безличное? Онъ нерѣдко говоритъ о волѣ Бога, Отца жизни, а какая можетъ быть воля у безличнаго предмета или мысли? Онъ говоритъ иногда, что Богъ далъ намъ жизнь, а какъ Онъ могъ дать намъ ее, когда жизнь Его Самого нераздѣльна отъ нашей, и когда Онъ Самъ имѣетъ бытіе только въ насъ? Онъ говоритъ въ Катехизисѣ, что Богъ предназначилъ для нашего бытія дѣли, которыхъ мы должны достигать; а это свойственно только внѣ насъ пребывающему Законодателю, а не нашимъ собственнымъ отвлеченнымъ свойствамъ. Толстой говоритъ тамъ же, что Богъ вложилъ въ нашу временную тѣлесную оболочку два своихъ безсмертныхъ начала: разумъ и жизнь; при этомъ различаются: Богъ, какъ *влагающій*, и человѣкъ, какъ *пріемлющій* въ себя, и

разумъ съ жизнію, какъ *дары* Божіи человѣку. Богъ, начало жизни, представляется въ Катехизисѣ дѣйствующимъ цѣлесообразно между прочимъ въ томъ, что „для обезпеченія и распространенія жизни“ онъ далъ человѣку стремленія (половыя), которыя должны удовлетворяться „для цѣлей, Богомъ предназначенныхъ“. Какая нелѣпость выйдетъ, если мы, основываясь на выше сказанномъ, имя Бога замѣнимъ здѣсь „лучшими качествами людей“ и выразимся такъ: лучшія качества людей дали людямъ стремленія—для цѣлей, ими (качествами?) предназначенныхъ?—Толстой въ означенныхъ мѣстахъ самъ по необходимости склоняется къ истинному понятію о Богѣ, какъ Существомъ Высочайшемъ, Творцѣмъ и Законодателѣмъ людей.

С. Кожомскій.

З а м ѣ т к и.

О средствахъ, которыми духовенство можетъ приобрѣсти уваженіе и почтеніе къ себѣ отъ прихожанъ.

Истинное, отъ сердца исходящее уваженіе къ духовенству отъ прихожанъ, которое само собою выражается и во внѣшнихъ отношеніяхъ, имѣетъ основаніемъ своимъ взаимное довѣріе и безкорыстную любовь. Со стороны духовенства это довѣріе и любовь достигаются, хотя не легко и не скоро, доброю нравственною жизнію и неуклоннымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, сердечно-участливымъ отношеніемъ къ нуждамъ прихожанъ какъ нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ. Въ своей нравственной жизни духовенство должно быть примѣромъ для прихожанъ *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*, какъ это начертано на оборотной сторонѣ іерейскаго креста, дарованнаго державною властію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Въ частности, въ сельскихъ приходяхъ для поднятія авторитета

духовенства особенно необходимы: совершенная трезвость всѣхъ членовъ причта; ихъ взаимное миролюбіе и почтительность младшихъ по отношенію къ старшимъ; постоянная готовность къ исполненію всѣхъ приходскихъ требъ; истовое совершеніе ихъ и вообще церковнаго богослуженія; кротость и простота въ обращеніи, не унижающія однако достоинства и отнюдь не переходящія въ панибратство; довольство своимъ матеріальнымъ положеніемъ; отсутствіе всякаго вымогательства за трудъ; ревность и назидательность священника въ дѣлѣ пастырскаго учительства, его заботливость о благолѣпнн приходскаго храма; попечительность о просвѣщеніи приходскихъ дѣтей грамотностію и частыя, по возможности, бесѣды съ ними, въ духѣ отеческой любви. Приучая прихожанъ подходить къ себѣ, при встрѣчѣ, подъ благословеніе, священникъ и самъ долженъ истово и съ открытою головою благословлять прихожанъ при всѣхъ случаяхъ встрѣчи съ ними, отнюдь не допуская небрежнаго благословенія и рукопожатія. Бесѣда его съ ними всегда должна быть покойная и простая, но съ достоинствомъ; отнюдь не долженъ онъ позволять себѣ шутокъ, смѣха и тѣмъ болѣе раздраженія, словъ бранныхъ и проч. Чтобы достигнуть всего этого, каждому пастырю необходимо поработать серьезно надъ самимъ собою; но тогда, несомнѣнно, прихожане оцѣнятъ духовенство по достоинству и будутъ относиться къ нему съ истиннымъ уваженіемъ, со всѣми знаками почтительности.

О мѣрахъ къ воспитанію въ прихожанахъ навыка благоговѣйнаго отношенія къ храмамъ, часовнямъ и т. п. святынямъ.

Когда прихожане посредствомъ церковной проповѣди и частныхъ бесѣдъ съ ними будутъ достаточно ознакомлены съ значеніемъ св. храмовъ, часовенъ и св. иконъ, тогда лучшіе изъ нихъ сами поймутъ свой христіанскій долгъ относиться къ нимъ съ надлежащимъ уваженіемъ; сердце ихъ подскажетъ имъ потребность благоговѣйно остановиться предъ ними и, осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ, помолиться Господу и святымъ Божиимъ. Но необходимы и внѣшнія мѣры для того, чтобы всѣ прихожане и особенно молодежь приобрѣли навыкъ благоговѣйнаго отношенія къ св. храмамъ и другимъ святынямъ, находящимся въ селеніяхъ. Таковы слѣдующія мѣры: а) содержаніе въ надлежащей исправности и чистотѣ не только храмовъ, часовенъ и столбиковъ со св. иконами, но и мѣсть вокругъ ихъ; б) удаленіе отъ нихъ лавокъ и столиковъ, устрояемыхъ для торговли, а также качелей, снѣжныхъ горокъ и другихъ предметовъ, всегда привлекающихъ къ себѣ толпы народа; в) воспрещеніе загромождать сіе мѣсто складами противопожарныхъ орудій, дровъ, бревенъ и другихъ предметовъ изъ сельскаго обихода. То и другое можетъ сдѣлать каждый священникъ, если не путемъ увѣщаній, то при содѣйствіи подлежащихъ властей, только бы онъ не ослабѣвалъ въ присмотрѣ за святынями, доколѣ не установятся въ народѣ надлежащія отношенія къ нимъ. Присмотръ этотъ священникъ ведетъ непосредственно и чрезъ лицъ, избранныхъ селеніемъ для наблюденія надъ часовнями и столбиками. Они не только имѣютъ право, но и обязаны, по довѣрію отъ селенія, всячески поддерживать благолѣпіе сихъ святынь и охранять ихъ отъ оскорбленія и поруганія непристойнымъ при нихъ поведеніемъ. Священникъ же не погрѣшитъ, если, усмотрѣвши небрежное отно-

шеніе прихожанъ къ храму Божію и другимъ святынямъ, своимъ властнымъ словомъ прекратитъ игры молодежи вблизи сихъ мѣсть, пѣсни и другія непристойности нетрезвыхъ людей и проч., заставивши ихъ тутъ же воздать должное поклоненіе святынь. Такая мѣра, повторенная нѣсколько разъ, непременно окажетъ свое благотворное дѣйствіе. При этомъ со стороны духовенства требуется, чтобы оно само въ потребныхъ случаяхъ оказывало должное почитаніе святынямъ.

(Костр. Еп. Вѣд. 1898 г. № 3).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 апрѣля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Коромковъ.*

Тип. Петра Варскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.